

Джастин Торрес
Мы, животные

Justin Torres
We the Animals

Джастин Торрес

Мы, животные

Роман

перевод с английского
Леонида Мотылева

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-44
Т61

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО
Издание осуществлено при поддержке Издательства АСТ

Торрес, Джастин

Т61 Мы, животные : роман / ДЖАСТИН ТОРРЕС ; пер. с англ.
Л. МОТЫЛЕВА — Москва: Астрель : CORPUS, 2013. — 192 с.

ISBN 978-5-271-45453-0 (ООО “Издательство Астрель”)

“Мы, животные” (*We the Animals*, 2011) — яркий, сенсационный дебют молодого американского писателя Джастина Торреса. Журнал *Esquire* назвал роман лучшей книгой года, а знаменитый Майкл Канингем, обладатель Пулитцеровской премии, был одним из первых, кто восторженно о нем отозвался. В книге, во многом автобиографической, рассказывается история трех братьев — устами младшего из них — от раннего детства до подросткового возраста. Мальчишки растут в бедной семье, мать — белая, отец — пуэрториканец. Юным героям приходится сталкиваться и с нищетой, и с насилием в семье, и со скрытой гомосексуальностью. Но в их детстве много удивительных, нежных моментов, и пронзительные сцены проявления родительской любви и ласки дорогого стоят. А вот, что говорит сам Джастин Торрес: “Люди могут совершать прекрасные поступки даже в самых ужасных обстоятельствах”.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-271-45453-0 (ООО “Издательство Астрель”)

- © 2011, Justin Torres
All rights reserved
- © Л. Мотылев, перевод на русский язык, 2012
- © А. Бондаренко, оформление, 2012
- © ООО “Издательство Астрель”, 2012
Издательство CORPUS ®

Содержание

Мы хотели еще	11
Небывалая минутка	15
Наследие	21
Семь	26
Озеро	35
Наша компаша	44
Лина	52
Другая саранча	57
Поговори со мной	65
Ищите давайте	73

Ночное дежурство	84
Большой хрен с колесами.....	98
Утки	105
Окоп.....	118
Мусоролеты	129
Остановить это было некому	134
Ниагара.....	151
Ночь моего обращения.....	158
Зоомир	188
<i>От автора</i>	190

Маме, братьям, отцу и Оуэну

Но ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь, чем меньше разум ребенка направлен в надлежащее русло, тем более становится он шаловливым, резвым и вдобавок превосходит дерзостью все остальные существа. Поэтому надо обуздывать его всевозможными средствами...

ПЛАТОН, “Законы”¹

1 Перевод Е. Н. Егунова.

Мы хотели еще

Мы хотели еще. Били по столу рукоятками вилок, стучали ложками по пустым тарелкам: требовали добавки. Мы хотели еще громкости, еще буйства.

Докручивали ручку телевизора до того, что ушам делалось больно от злых криков. Когда играло радио, мы хотели еще, еще музыки — хотели ритма, хотели рока. Мы хотели нарастить мускулы на худых руках. У нас были птичьи косточки, полые и легкие, и мы хотели уплотниться, утяжелиться. Мы — это шесть хватких рук, шесть топчущих ног; мы были братья, пацаны,

трое маленьких королей, ведущих вечную войну за добавку.

Когда было холодно, мы воевали между собой за одеяла, пока ткань не рвалась надвое. А когда становилось по-настоящему холодно, когда дыхание вылетало морозными облачками, Манни заползал в одну постель со мной и Джоэлом.

— Самообогрев, — говорил он.

— Самообогрев, — соглашались мы.

Мы хотели еще — плоти, крови, тепла.

Когда мы дрались, в ход шли ботинки, инструменты из гаража, клещи, плоскогубцы — мы хватали и швыряли все, что попадалось под руку; мы хотели еще осколков, еще разбитых тарелок. Мы хотели крушить.

А когда домой приходил Папс, он нас порол. От ремня наши маленькие круглые ягодички делались красными, обожженными. Мы знали: есть что-то по ту сторону боли, по ту сторону порки. От ягодичек, от бедер вверх поднимался колкий жар, пламя пожирало мозги, но мы знали: есть что-то еще, место, куда Папс ведет нас через все это. Знали, потому что он был методичен, аккура-

тен, потому что делал свое дело не торопясь. Он пробуждал нас; сквозь хлещущий огонь он вел нас куда-то дальше, куда по-быстрому не добраться.

А когда наш отец уходил, мы сами хотели быть отцами. Мы выискивали живность. Месили грязь у ручья, ловя ужей и лягушек. Вынимали из гнезд птенцов малиновки. Нам нравилось ощущать, как бьется крохотное сердечко, как трепещут крылышки. Мы подносили к лицу эту крохотную физиономию.

— Кто твой родитель? — спрашивали, а потом кидали существо в обувную коробку.

Вечно требовали еще, вечно рылись, шарили в поисках добавки. Но иногда случались другие минуты, тихие, когда наша мать спала, отсыпалась после полутора бессонных суток и любой звук — скрипучая лестница или дверь, сдавленный смех, любой голос вообще — мог ее разбудить, неподвижные хрустальные утра, когда мы хотели ее защитить, эту замороженную простофилю, спотыкающуюся на каждом шагу, нашу мать с ее излияниями, с ее ломотой в спине и головными болями, с ее усталым-усталым видом, это

пересаженное бруклинское растение, мать, строгую только на словах, не умеющую без слез сказать нам, что любит нас, с ее бестолковой любовью, с ее нищенской любовью, с ее теплом, случались утра, когда солнце отыскивало щели в наших жалюзи и пересекало ковер четкими полосами, тихие утра, когда мы завтракали овсяными хлопьями, а потом лежали на животе с цветными мелками и бумагой, со стеклянными шариками, которыми старались ни разу не стукнуть, утра, когда наша мать спала, когда не пахло ни потом, ни дыханием, ни плесенью, когда воздух был неподвижным и легким, утра, когда молчание было нашей тайной игрой, нашим подарком и единственным достижением, — в эти утра мы не хотели еще, и чем меньше, тем было лучше. Чем меньше тяжести, меньше работы, меньше шума, меньше отца, меньше мускулов, кожи, волос, тем было лучше. Мы вообще ничего не хотели, лишь бы так, лишь бы так.

Небывалая минутка

Мы, все трое, сидели за кухонным столом в дождевиках, и Джоэл маленькой каучуковой колотушкой расшибал помидоры. Мы видели такое по телевизору: мужчина с необузданными усищами уकोкошивает овощи колотушкой, а люди в прозрачных пластиковых пончо получают этой кашей в лицо и безумно радуются. Целью нашей было улыбаться как они. Мы чувствовали хлюп и шмяк прыскающей помидорной жижи; она стекала со стен, обдавала наши щеки, лбы, склеивала волосы. Когда помидоры кончились, мы пошли в ванную и достали из-под умывальника

тубики с мамиными кремами. Потом сняли плащи и расположились так, чтобы белый крем после удара колотушки оказывался везде: в складках крепко сжатых век, в извилинах ушей.

На кухню спустилась мать, запахивая халат, протирая глаза и спрашивая:

— Боже ты мой, который час, интересно?

Мы сказали ей, что восемь пятнадцать, и Ма сказала: черт, а глаз все еще не открыла, только терла их сильнее, потом громче повторила: черт, схватила чайник, брякнула на плиту и закричала:

— Тогда почему вы не в школе?

Было восемь пятнадцать вечера и к тому же воскресенье, но никто не стал ей этого говорить. Она работала в ночную смену на пивзаводе — вверх по дороге от нашего дома, и иногда она сбивалась. Могла проснуться в любое время и встать, ничего не соображая, путая дни, путая часы, могла в середине дня приказать нам почистить зубы, надеть пижамы и отправляться спать; или мы утром полусонные приходили на кухню, а она, вытаскивая из духовки запеченное мясо, спрашивала:

— Что с вами, ребята? Я зову вас, зову ужинать, а вы не идете.

Мы научились не поправлять ее, не выводить из заблуждения: так можно было сделать только хуже. Однажды, когда мы этого еще не поняли, Джоэл отказался пойти к соседям попросить пачку масла. Была почти полночь, и она собралась печь пирог для Манни.

— Ма, ты с ума сошла, — сказал Джоэл. — Все спят, а у него даже и дня рождения нет.

Она довольно долго разглядывала часы, потом покрутила головой — быстро так, туда-сюда — и наконец уставилась на Джоэла; она сверлила взором его глаза, как будто хотела добраться до глубины мозга. Тушь, которой она подвела ресницы, вся размазалась, жесткие волосы густо чернели, завиваясь вокруг лица и спутанной массой падая сзади. Она походила на енота, которого увидели роющим в отбросах: застигнутый врасплох, он опасен.

— Как мне осточертела моя жизнь, — сказала она.

Джоэл, услышав это, заплакал, а Манни сильно дал ему в затылок.

— Кто тебя за язык тянул, говнюк, — прошипел он. — Накрылся, на хер, мой день рождения.

После этого мы уже не сопротивлялись ничему, что взбредало ей на ум; мы жили как во сне. Иной раз ночью Ма сажала нас в машину, и мы ехали в продуктовый магазин, в прачечную самообслуживания, в банк. Мы стояли за ней и хихикали, когда она пыталась открыть запертую дверь или, ругаясь, трясла тяжелую решетку.

Сейчас, увидев наконец смесь помидорной мякоти и крема, стекающую по нашим лицам, она разинула рот от удивления. Глаза стали большими, потом сощурились. Она подозвала нас к себе и мягко провела по каждой щеке пальцем, рассекая склизкую кашицу. И опять судорожно вдохнула открытым ртом.

— Точно такими вы из меня вылезали, — прошептала она. — Точно такими.

Мы в один голос застонали, но она продолжала об этом говорить — о слизи, которая нас обволакивала, о том, как поразил ее Манни, родившись с волосатой головкой без единой проплешины.

Первым делом она у каждого считала пальчики на руках и ногах.

— Хотела убедиться, что они ничего там внутри не забыли, — объяснила она, и мы дружно начали издавать притворные звуки рвоты.

— Теперь мне это сделайте.

— Что? — спросили мы.

— Чтобы я родилась.

— Помидоры кончились, — сказал Манни.

— Возьмите кетчуп.

Я дал ей свой дождевик, потому что мой был самый чистый, и мы велели ей ни в коем случае не открывать глаз, пока не скажем, что можно. Она опустилась на колени и положила подбородок на стол. Джоэл взметнул над головой колотушку, Манни нацелил отверстие тюбика с кетчупом ей между глаз.

— На счет три, — сказали мы и выкрикивали цифры по очереди — моя настала последней. Втягивая воздух сквозь зубы, все сделали самый глубокий, самый долгий вдох, какой могли. У каждого были стиснуты кулаки, лицо сморщено в тугую гримасу. Втянули еще немного возду-

ха, груди расперло. Комната стала как воздушный шарик, когда дуешь в него, дуешь, дуешь и вот-вот он лопнет.

— Три!

Колотушка рассекла воздух. Мама вскрикнула, сползла на пол и осталась лежать — глаза широко раскрыты, повсюду кетчуп, вид такой, словно ей пустили пулю в затылок.

— Мамочка народилась! — закричали мы. — По-здрав-ля-ем!

Мы подбежали к кухонному шкафу, вытащили самые большие кастрюли, тяжелые половники и загрохотали вовсю, приплясывая вокруг маминого тела и горланя:

— С днем рождения!.. С Новым годом!.. Время — ноль-ноль-ноль, вот который тебе час!.. Небывалая минутка!.. Самая-рассамая в твоей жизни!